

5.5. Русско-японские соглашения по Корее 1896 г.

Одновременно с решением вопроса о железной дороге в Маньчжурии Россия вступила в переговоры с Японией по поводу Кореи. Посланник в Токио М.А. Хитрово полагал, что две страны смогут достичь соглашения по делам Дальнего Востока на основе противостояния общему (!) врагу – Англии. Единственным препятствием этому дипломату представлялся корейский вопрос⁹⁹. М.А. Хитрово повторил свои суждения, изложенные А.Н. Шпейеру, и министру иностранных дел. Он не намеревался отказываться от королевства, полагая, что «Корея от нас не уйдёт, и рано или поздно, тем или иным путём она делается нашим достоянием». В отличие от С.Ю. Витте дипломат предлагал «всё внимание наше» обратить на Японию «как на единственную на Крайнем Востоке боевую величину, с которою приходится всем и весьма серьёзно считаться». М.А. Хитрово выступал за соглашение с Токио для того, чтобы оттянуть время, хотя бы до завершения строительства Сибирской железной дороги. Конфликта со Страной восходящего солнца он не исключал и был уверен в успешном его исходе, но содрогался при мысли о необходимых для этого усилиях¹⁰⁰.

В Японии же и после 1895 г. большая часть государственных деятелей (прежде всего Х. Ито и А. Ямагата, а также Ю. Комура, будущий министр иностранных дел в 1901–1905 гг. и посланник в Лондоне с 1900 г. Т. Хаяши)¹⁰¹ придерживалась курса на соглашение с Россией о Корее. Надо признать, что для такой надежды у японцев имелись основания.

19 февраля 1896 г., за два дня до своего назначения главой специальной миссии в Россию, командовавший японской армией в войне с Китаем генерал А. Ямагата посетил российского посланника М.А. Хитрово и в неофициальной беседе высказал намерение решить корейский вопрос полюбовной договорённостью между Токио и Петербургом¹⁰². На следующий день исполнявший обязанности министра иностранных дел К. Сайонджи предложил провести переговоры в Сеуле между К.И. Вебером и Ю. Комурой, на что А.Б. Лобанов-Ростовский немедленно согласился¹⁰³. Наконец, 5 марта 1896 г. состоялась встреча М.А. Хитрово с премьер-министром Х. Ито. Собеседники

⁹⁹ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52.

¹⁰⁰ М.А. Хитрово – А.Б. Лобанову-Ростовскому, б/д. [после 21 февраля 1896 г.] (черновик) // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №242. Л.1–3 об. В Токио М.А. Хитрово уверял японцев, что Россия заинтересована лишь в том, чтобы слабая Корея не стала орудием в руках противников Петербурга – и не более того (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.614).

¹⁰¹ Гальперин А. Англо-японский союз 1902–1921 годы. М., 1947. С.62–63.

¹⁰² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.181–182.

¹⁰³ Там же. С.179.

осторожно говорили о взаимопонимании, дипломат настаивал, что корейский вопрос нельзя рассматривать в отрыве от остальных дальневосточных дел и что у Японии и России нет почвы для конфликта. С этим полностью согласился Х. Ито¹⁰⁴. В итоге Россия вступила в переговоры с Японией, не приобретая гавани и «взяв таким образом на себя косвенное обязательство не предпринимать в Корее односторонних действий»¹⁰⁵. Это можно расценить как важную уступку, сделанную Токио.

Японцы первыми, 24 февраля 1896 г., представили свои предложения по содержанию русско-японского договора по Корее. Во-первых, они хотели, чтобы король немедленно вернулся в свой дворец, обещая дать своим войскам в Сеуле инструкцию ограничиться защитой японских подданных и их имущества. Во-вторых, японцы соглашались на взаимные, русские и их советы королю по формированию нового правительства. И в-третьих, японцы желали бы защитить своих сторонников в Корее от расправы корейцев¹⁰⁶. Это было значительно скромнее прежних вожделений Токио. 2 марта М.А. Хитрово передал К. Сайонджи ответные «пункты» России. Их было пять: король вправе вернуться в свой дворец когда захочет, российский и японский представители станут помогать монарху в формировании правительства, а также свидетельствовать о необходимости в иностранных войсках для защиты телеграфных линий. Разумеется, обе стороны обещали действовать в согласии друг с другом¹⁰⁷.

После этого обмена мнениями переговоры переместились в Сеул, их стали вести Ю. Комура и К.И. Вебер. И там они продвигались с немалым трудом. Российская сторона предложила проект договора, состоявший из двух частей (открытой и секретной). «Пункты явного соглашения» закрепляли принцип равных возможностей сторон в Корее на основании признания независимости королевства и содействия ему (помощь в организации финансов и армии). Секретная часть включала в себя военные вопросы, предусматривая направление на полуостров равного количества русских и японских войск в случае возникновения там беспорядков и обязательное сохранение между ними свободной зоны. Превосходство России закреплялось обоюдным признанием сложившегося положения дел: король находился под защитой русского отряда согласно

¹⁰⁴ Резюме беседы М.А. Хитрово и Х. Ито 5 марта 1896 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.29. Токио, 1954. С.761–764.

¹⁰⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.157–158.

¹⁰⁶ Японский проект соглашения с Россией по Корее (24 февраля 1896 г.) // Ниппон гайко буншо... С.741–742; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.615.

¹⁰⁷ Ответ на предложения императорского (японского – И.Л.) правительства, представленный М.А. Хитрово 2 марта 1896 г. // Ниппон гайко буншо... С.748; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.617.

своему желанию до тех пор, пока не сформирует собственную охрану¹⁰⁸. Судя по карандашным пометам на проекте, этот пункт как раз не устраивал японцев и вызывал споры. Позднее, уже после подписания соглашения японский посланник в Петербурге Т. Ниши предлагал хотя бы смягчить его формулировку, например, обязать Россию немедленно удалить своих солдат после того как король, наконец, обзаведётся охраной из соотечественников¹⁰⁹. Однако тогда К.И. Вебер не пошёл на уступки. Его позиция вызывала в Токио большое недовольство, японцы пожаловались в Петербург и – что удивительно – встретили понимание, по крайней мере, на словах¹¹⁰. А.Б. Лобанов-Ростовский пообещал, что укажет дипломату, чтобы тот «хорошо относился» к японским предложениям¹¹¹.

Однако, несмотря на демонстративное желание уступить, министерство как будто не спешило одёрнуть К.И. Вебера. 10 (22) марта 1896 г. он представил свои соображения (меморандум) по русско-японскому соглашению из четырёх статей. Дипломат настаивал на праве корейского короля оставаться в русской миссии, пока он это желает, до создания собственной охраны. Король по своей воле формирует новое правительство из министров, «известных как либеральные и прогрессивные». За японцами оставалось право держать для охраны телеграфной линии не более 200 солдат, а также охрану японского селения. Попытки представителей Токио внести некоторые изменения в этот текст, в частности, право японского посланника советовать королю вернуться во дворец и некоторые другие К.И. Вебер категорически отверг¹¹².

Соглашение в Сеуле было заключено 2 (14) мая 1896 г. Его текст сильно отличался от первоначального проекта. Из него исчезло большинство условий, остались лишь те, на которых К.И. Вебер настоял: в документе признавалось, что король пребывает в русской миссии столько, сколько захочет, и резко ограничивались возможности Токио держать в Корее свои войска – только 800 человек на всё королевство с таким же правом у России¹¹³. Получалось, что в Сеуле Японию вынудили признать свершившиеся перемены, взамен она получила лишь уверение в сохранении независимости Кореи. Конечно, это не устраивало Токио. Дело в том, что Россия использовала новые возможности не столько для того, чтобы закрепить своё влияние в королевстве, сколько затем, чтобы выдавить оттуда Японию, лишить её преимущественного влияния.

¹⁰⁸ «Пункты явного соглашения» и «пункты секретного соглашения» // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 2. P.641–647.

¹⁰⁹ Т. Ниши из Москвы – в Токио 7 июня 1896 г. // Там же. P.657–660.

¹¹⁰ Г. Мицуо (Токио) – Т. Ниши (Петербург) 1 мая 1896 г. // Там же. Part 1. P.261.

¹¹¹ Т. Ниши – Г. Мицуо 8 мая 1896 г. // Там же. P.281.

¹¹² Г. Мицуо – Т. Омайе (Петербург) 5 мая 1896 г. // Ниппон гайко буншо... С.785–787; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.620–621.

¹¹³ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.290–291.

Чтобы изменить положение дел, японцы воспользовались первым подходящим поводом. На коронацию Николая II в Москву прибыла делегация Страны восходящего солнца во главе с А. Ямагатой. Когда соглашение в Сеуле было заключено, японское посольство находилось уже в пути. До Москвы оно добралось 5 (17) мая 1896 г. Генерал приехал с инициативой разделить Корею: за Россией предлагалось оставить большую часть полуострова с портами на западном и восточном побережье, Япония претендовала лишь на южную часть с Сеулом¹¹⁴. А. Ямагата ехал в Москву без детальных инструкций, лишь с общим указанием подписать соглашение для обеспечения стабильности в Корее и обеспечения там законности и правопорядка (чего японцы сами и разрушали в нужные им моменты)¹¹⁵. 12 (24) мая он представил А.Б. Лобанову-Ростовскому предложения Токио. 6 пунктов были нацелены на то, чтобы утвердить равные права сторон на случай вмешательства в корейские дела, будь то финансы или беспорядки. Конечно, независимость королевства подтверждалась, но на случай ввода на полуостров русских и японских войск Страна восходящего солнца желала бы разделить зоны их пребывания (север и юг) с нейтральной полосой между ними¹¹⁶. В сущности, японский проект означал введение режима протектората в королевстве. Однако Петербург не принял предложения, ответив, что оно противоречит принципу независимости Кореи, только что закреплённого в соглашении Комура–Вебер¹¹⁷. Россия не отвергла принцип раздела королевства на сферы возможной военной оккупации, но стороны упёрлись в то, где и как провести линию разграничения. Японцам пришлось согласиться с тем, что этот вопрос следовало подробно разработать. За позицией Петербурга скрывалось, вероятно, нежелание заключать подобное соглашение: в сложившейся ситуации оно давало Токио возможности закрепиться в Корее, хотя бы только в южной её части. Конечно, России не имело смысла помогать японцам, тем более в то время, когда король находился в русской миссии¹¹⁸.

---

¹¹⁴ Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. Cambridge (Mass.), 1971. P.173. Американский историк полагает, что целью А. Ямагаты было подтверждение сеульского соглашения Вебер–Комура и его развитие вплоть до разделения королевства на сферы влияния (с такой идеей, по его сведениям, был согласен военный агент в Японии К.И. Вогак, поддерживавший с генералом дружеские отношения). Но как показали дальнейшие события, в Токио не собирались довольствоваться половиной Кореи, претендуя на весь полуостров.

¹¹⁵ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.628–629.

¹¹⁶ Ibid. P.630–631.

¹¹⁷ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52.

¹¹⁸ Б.А. Романов, склонный подчёркивать агрессивные намерения России относительно Кореи с 1880-х гг., приводит в качестве аргумента того, почему японское предложение

В итоге сторонам пришлось вернуть в соглашение те пункты, которые предлагались в первоначальном проекте К.И. Вебера, но не были приняты японцами в Сеуле. Их редакция несколько изменилась, но смысл остался прежним: равенство Петербурга и Токио в Корее, поддержка её самостоятельности и невозможность односторонних действий в королевстве¹¹⁹. Документ такого содержания 28 мая (9 июня) 1896 г. подписали в Москве А.Б. Лобанов-Ростовский и А. Ямагата¹²⁰.

То есть, по большому счёту, визит А. Ямагаты завершился с весьма незначительными результатами¹²¹. Он сам, не скрывая некоторого разочарования, сказал английскому послу в Петербурге Н. О'Конору, что заверения, полученные им в России, оказались лишь «не во всём неудовлетворительными»¹²². Для Петербурга всё выглядело иначе. Вероятно, контакты с А. Ямагатой увязывались не только с ситуацией вокруг Кореи, но и с параллельно шедшими переговорами с Ли Хунчжаном. Желание Китая и его готовность идти на уступки контрастировали с твёрдой позицией Токио. Это подчеркнул князь Э.Э. Ухтомский, убеждавший Николая II, что «наша дружба с Японией желательна в области мореходно-торгового общения <...>, но малейшая уступка её честолюбивым стремлениям (хотя бы с целью отвести у неё глаза, пока не готова Сибирская дорога) есть, по моему смиренному мнению, страшный для нас ущерб вперёд»¹²³. Похоже, что примерно так же думал тогда и С.Ю. Витте, ставший к тому моменту главным архитектором российской дальневосточной политики.

Не удивительно, что оба соглашения по Корее, и сеульское, и московское, не устраивали японцев. Они подписали документы только потому, что они ограничивали возможности России и свидетельствовали об отсутствии у Петербурга намерения захватить Корею. С другой стороны, русско-японские договоры по Корее отразили также желание России урегулировать отношения с Японией, не доводя дело до конфликта¹²⁴. Но уступать просто так королевство

было отвергнуто, записку В.Н. Ламздорфа «после 7 мая 1903 г.», составленную в ответ на записку К.И. Вогака о значении договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии (Романов Б.А. Указ. соч. С.142–143). Но в 1903 г. отношение к Корее было совсем иным, оно в основном определялось влиянием безобразовцев. Для 1896 г. нет никаких данных, свидетельствовавших об интересе Петербурга к королевству как объекту колониальной экспансии.

¹¹⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.632–633.

¹²⁰ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.295–296.

¹²¹ Hackett R.F. Op. cit. P.175.

¹²² Н. О'Конор – Р. Солсбери 14 июня 1896 г. // PRO FO. 65/1515. P.34–37.

¹²³ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 12 мая 1896 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.171. Л.2 об.

¹²⁴ Нихамин В.П. Указ. соч. С.158–160. Трудно согласиться с мнением Б.А. Романова,

Россия не собиралась. Поэтому соглашения 1896 г. нельзя рассматривать как компенсацию Стране восходящего солнца за потерю Японией Ляодуна и как решение русско-японских противоречий по Корее. Точнее будет сказать, что вопрос о будущем Кореи оказался пока отложен.

5.6. Корейская политика России в 1896 – начале 1898 гг.

Несмотря ни на что, коджон не оставлял попыток заручиться более масштабной и энергичной поддержкой России. Для этого он воспользовался поводом – коронацией Николая II. Для участия в торжественной церемонии в Москву было направлено специальное посольство во главе с Мин Ёнхваном. Корейцы надеялись получить от России помощь в создании национальной армии (в том числе 200 военных инструкторов), в совершенствовании государственного управления. Они также добивались согласия Петербурга соединить русские и корейские телеграфные линии и, наконец, предоставления займа в 3 млн. иен. А.Б. Лобанов-Ростовский дал корейцам уклончивые ответы, прямо не отвергая их ходатайства, но и не соглашаясь исполнить их. Единственным прямым «да» стала готовность соединить телеграфные линии, а «нет» – отказ охранять короля, если он покинет русскую миссию и переедет в свой дворец. Но для корейского посольства именно это являлось важнейшим вопросом. Министр иностранных дел явно уклонялся от прямого содействия Сеулу, чтобы не нарушать русско-японских договорённостей¹²⁵. Корейцы о них пока не знали и были явно озадачены¹²⁶. Они, вероятно, не понимали политическую линию Петербурга, который с трудом нащупывал равнодействующую линию между его политикой в Китае и отношениями с Сеулом и Токио.

Совсем иную оценку действий Петербурга дал Б.А. Романов, первым опубликовавший полный текст ответных пунктов России на просьбы корейского короля¹²⁷. Он усмотрел в них «сепаратную программу действий в Корее»,

---

который полагал, что российское руководство подписало соглашение с А. Ямагатой «в твёрдом намерении не считаться с принятыми на себя обязательствами», стремясь к установлению протектората над королевством (Романов Б.А. Указ. соч. С.144, 146).

¹²⁵ Б.Д. Пак решил, что Россия отказалась от договора с Кореей из-за того, что перед этим заключила договор с Китаем: «в Петербурге считали, что после подписания союзного договора с Китаем нет надобности в подписании такого же договора с Кореей» (Пак Б.Д. Указ. соч. С.258). Но секретное соглашение с Китаем появилось вовсе не из-за того, что Петербург был сильно обеспокоен безопасностью границ соседа. Россия преследовала, прежде всего, свою собственную выгоду – право на железную дорогу в Маньчжурии и, как в Петербурге надеялись, незамерзающий порт. От Кореи же в России ничего подобного в тот момент не хотели, единственный интерес заключался в нежелании видеть у своих сухопутных рубежей японцев.

¹²⁶ Пак Б.Д. Указ. соч. С.248–257.

¹²⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.143–145.